

УДК 379.8

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАНИЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НАРОДНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА НА ПОПУЛЯРИЗАЦИЮ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д.Е. Крапчунов

Томский политехнический университет
E-mail: krapchunovd@mail.ru

Выявлена специфическая проблема подмены понятия «досуг» «социально-культурной деятельностью». Обозначены проблемы, связанные с отсутствием содержательных изменений в подготовке специалистов в области социально-культурной деятельности и народного художественного творчества. Показана история формирования представлений о специфической социальной роли специалистов по социально-культурной деятельности и народному художественному творчеству в современности. Указано на катастрофическую отчужденность населения страны от этнокультурных традиций и отсутствие преемственности поколений. Отмечено массовое незнание традиций родной культуры в ее народном варианте. Выявлена сознательная подмена значения термина «фольклор» словосочетанием «народное творчество», в котором вместо значения «этнос» в слове народ подразумевается значение «толпа», «люди». Показана крайне неудовлетворительная ситуация в стране с сохранением и возрождением традиций предков как одна из причин растущих националистических настроений.

Ключевые слова:

Социально-культурная деятельность, народное художественное творчество, фольклор, народная традиция, досуг, специальность, преемственность, этноориентированные потребности, самоидентификация, народная культура, народ, культпросвет, российский фольклорный союз.

Key words:

Social and cultural activities, traditional art activities, folklore, folk tradition, entertainment, specialty, continuity, ethnic-oriented needs, self identification, traditional culture, folk, cultural and educating activities, Russian folk union.

Специальность «социально-культурная деятельность и народное художественное творчество» является наследницей специальности «культурно-просветительная работа». По мнению П.Л. Волка, прежнее название точнее отражало сущность подготовки, которую получал специалист, чьей задачей была, действительно, культурно-просветительская работа, то есть организация процесса окультуривания населения через его вовлечение в народное художественное творчество. Подготовленный таким образом специалист мог создать самостоятельный коллектив, организовать праздник и при помощи этих и подобных форм «приобщать население к народной культуре» [1].

Однако при такой постановке социальных задач для будущего специалиста возникает ряд вопросов. Во-первых, почему для социализации и инкультурации граждан требуются усилия определенной профессиональной группы? Во-вторых, насколько существование данной профессии социально оправдано и обосновано? И, наконец, в-третьих, как сложилась ситуация, при которой население, народ, нуждается в «приобщении к культуре», более того, народной культуре? Эти вопросы оказываются тесно связанными между собой, а ответы на них обусловлены историческими процессами в социокультурной практике российского общества.

Предполагается, что специалист по социально-культурной деятельности приобщает население к культуре, но на самом деле речь идет об организации досуга, к которому ни при каких обстоятельствах нельзя свести многозначность термина «культура». Нет необходимости подробно рассматривать историю и традиции наполнения понятия

«досуг», следует остановиться лишь на наиболее общем его значении — время, свободное от основной профессиональной или трудовой деятельности [2]. Таким образом, досуг можно рассматривать как проявление праздности. В свою очередь, праздность есть деятельность, не связанная с производством чего-либо для обеспечения нормального функционирования организма, то есть телесного начала бытия. Праздность как праздничность, согласно принципу бинарных оппозиций, как раз и противопоставляется будням, трудовой, (условно) производственной деятельности. Кроме этого, досуговая деятельность предполагает творчество как реализацию духовной составляющей человеческого бытия.

Извечная противоположность праздничного и будничного, даже священного и профанного, является общим местом для всех культур. Согласно концепции эволюционизма, только с развитием общества, пространство праздничного постоянно увеличивается, занимает все большее и значимое место в жизни человека и общества, вырывая его из объятий серых, тяжелых, порой жестоких, трудовых будней. Не вступая сейчас в дискуссию о месте и доле праздничного в жизни древних и современных обществ, вспомним, что именно организацию праздничного пространства следует считать профессиональной задачей специалиста по социально-культурной деятельности.

Однако даже поверхностное, беглое знакомство с народной (традиционной) культурой показывает, что праздничное имманентно входит в ткань повседневного-будничного. Все виды художественного творчества — пение (вокал), инструментальная му-

зыка, танцы (хореография), рукоделие (народные промыслы), — наполняющие содержанием привычные для современника формы культурно-досуговой деятельности, сопровождают трудовую деятельность крестьянского населения в каждый ее момент. Следовательно, то, что сегодня называется «народным художественным творчеством», сопровождало население в каждый — и будничной, и праздничной — момент жизни. Как же сложилась ситуация современности, когда *народу* стало необходимо предлагать *народную* художественную культуру как способ рекреации и отдыха, как нечто особенное, праздничное, диковинное и редкое, позволяющее отвлечься от тяжелых трудовых будней?

Основу данной апории заложили петровские реформы, когда благодаря указам императора в России появились формы досуга, в которых копировались голландско-немецкая и французская модели поведения. Правда, коснулись изменения лишь дворянства — сословную верхушку российского общества. По замыслу царя вводимые «ассамблеи» должны были привить аристократам вкус к «общественной жизни», неотъемлемой частью которой являлись музыка и танцы. Немного позднее к реформированию этих форм искусства прибавилось целенаправленное воздействие на изменение внешнего вида дворян и, в первую очередь костюма.

Проблема в том, что теперь это были уже не привычные народные песни, традиционные музыкальные инструменты и одежда, а западная хореографическая и музыкальная традиция и принципы кроя и шитья, которым необходимо было учиться особо, которые не были продолжением и естественным следствием знаний, навыков и умений, эстетических предпочтений, унаследованных от предков. До той поры досуг элиты не отличался в своих формах и содержании от того, чем жили народные массы. Теперь же дворяне должны были любоваться фейерверками, принимать участие в торжественных шествиях, маскарадах и других нетрадиционных для русского населения формах культурно-досуговой деятельности.

Несмотря на начало «культурного реформирования», высшая аристократия, мелкое и среднее дворянство продолжали участвовать в традиционных для русской культуре церковных праздниках, которые были сердцевиной народного календаря, уличных гуляний. Новшества стали дополнением, отделявшим высшее сословие от «мужика», крестьян, простолюдинов. «Новые» праздники организовывались в имениях для приглашенных, особых гостей, получая форму закрытого, особо организованного мероприятия. Соответственно, требовались специалисты в организации таких празднований. Уже тогда на капельмейстеров, церемониймейстеров и других профессионалов в области социально-культурной и досуговой деятельности возлагались функции организации досуга населения и приобщения к культуре, но тогда речь шла исключительно о досуге элиты, представленной главным образом дворянством.

Вскоре дворянская среда стала порождать свои (элитные) формы развлечений (досуга) уже без указов царя. Так, в эпоху Екатерины петровские «ассамблеи» вытесняются балами, маскарадами. С конца XVIII в. стали возникать клубные формы досуга. Начало XIX в. ознаменовано развитием салонов, кружков различной направленности, где досуг организовывался в соответствии с четким сценарием, концертной программой. Тогда же появлялись новые музеи, публичные театры, организовывались художественные выставки. Все это, безусловно, приводило к трансформации досуговых форм у крестьян, составлявших девяносто восемь процентов населения страны, однако традиционные формы оставались доминирующими.

После отмены крепостного права и начала распада общины происходит трансформация досуга крестьян. В это время возрастает значение имущественного авторитета. Общедеревенская «братчина» постепенно замещается «гостьбой», соответствующей соседской общине, укрепляющей родственные связи. В деревне теперь ходят в гости «по родству» или «по соседству». У наиболее состоятельных из крестьян предпочтение отдавалось складчине [3–5]. Хотя и в XX в., даже во второй половине, встречаются примеры общедеревенских, уличных столований.

Торговый обмен с городом, отходничество, развитие ярмарок приводит к усилению влияния города на досуг крестьян. Государственные, церковные, общественные и частные инициативы по просвещению крестьян дают свои результаты. Появляются первые сельские самодеятельные театры, растет количество культурно-просветительских учреждений. Сотрудники библиотек, изб-читален, народных домов, школ стали проводниками нового понимания досуга и сущности культуры. Хотя наряду с новыми формами досуга сохранялись и, безусловно, доминировали народные традиции праздников и обрядов.

Вместе с иными, общеизвестными социально-экономическими факторами на процесс размывания сословий, утрату консолидации сословными группами также влияло искусственное конструирование досуга, формирование новых традиций и обрядности. Количественное преумножение новых досуговых форм приводит к качественному изменению, ставшему ключевым моментом в формировании особого отношения к социально-культурной деятельности. В этот период формируется большое количество комитетов и обществ, в работу которых среднее и мелкое дворянство — представители аристократии, допускали состоятельных купцов, почетных граждан, служилых людей, а так же интеллигенцию. Последняя могла быть представлена дворянами, но в большей мере формирование этого слоя общества происходило за счет разночинцев.

В.Е. Новаторов считает, что в дореволюционную пору доминирующим направлением в содержании различных форм организованного досуга являлось просвещение: «В деятельности бытовав-

ших в конце XIX в. благотворительных обществ и правительственных ведомств четко прослеживается стремление к распространению знаний среди населения, не охваченного формами обучения в университетах, институтах, общеобразовательных школах и т. п. [3]. Однако в этом проявляется определенный парадокс отечественной исследовательской парадигмы, сформированной в либеральной дореволюционной школе, а позднее укрепившейся в советский период.

Уже с XI в. известно широкое распространение школ в городах Древней Руси; количество берестяных грамот, найденных на раскопках древнерусских городов, сегодня перевалило за тысячу, а их содержание свидетельствует о широком распространении грамотности среди различных слоев городского населения, включая детей и даже женщин [6, 7]. О сохранении данной ситуации в XV–XVI вв., а также о грамотности сельского населения свидетельствует изучение А.И. Клибановым покаянных книг, косвенно это следует так же из работ Г.М. Прохорова [8, 9]. О крестьянской грамотности и наличии сельских библиотек убедительно рассказывают А.В. Буганов и М.М. Громыко [10]. Если можно говорить об определенном, довольно высоком, уровне грамотности населения, тогда что давали новые формы культурно-досуговой деятельности, ориентированные на просвещение, и что понималось под просвещением, если не обучение грамоте? Видимо, под просвещением понимается привитие форм мышления, сконструированных по западным образцам и определяющие формирование новых форм досуговой деятельности.

Доказательство последнему можно усмотреть в природе интеллигенции как особой социальной группы, обеспечивающей организацию технологического процесса социально-культурной деятельности. Таким образом, «отцом российской интеллигенции» можно называть Петра I. Именно при нем были заложены предпосылки, а при его приемниках созданы условия для проникновения в Россию идей западного просвещения.

Сам термин «интеллигенция» встречается в отечественной действительности в начале XIX в. Изначально это была лишь калька с западноевропейской языковой действительности. На Западе и сегодня существует термин «интеллектуалы» (*intellectuals*), так называют людей умственной (интеллектуальной) деятельности, однако за термином интеллигенция сегодня на западе закреплено особое значение с пометой «русское». П.Д. Боборыкин, которому приписывают введение термина «интеллигенция», настаивал на особом смысле, вложенном им в этот термин: он определял интеллигенцию так: лица «высокой умственной и этической культуры», возлагая на них роль носителей «высших идеалов», в противовес обыденному разделению профессиональной деятельности по критерию умственного или физического труда [11].

Так, в русской предреволюционной культуре в понятии «интеллигенция» критерий умственного

труда отошёл на задний план. Главным признаком российского интеллигента стало социальное мессианство: озабоченность судьбами своего Отечества и учительство по отношению к обществу и простому народу (крестьянам, рабочим) в особенности. Это естественное следствие некоторой технической отсталости России в начале – середине XIX в. Дворяне, а затем и разночинцы становятся главными проповедниками ценностей модернизации Родины, отставшей как в техническом так, с их точки зрения, в нравственном и культурном плане. Таким образом, чувство собственной исключительности и претензии на «высшее знание», свойственные изначально лишь аристократии, оказались имманентно присущи и профессионалам сферы культуры и в большей степени сферы организации досуга, в основании которых и сегодня лежат просветительские идеи.

В советские годы XX в. основанием социально организованного досуга стала идеология. Большевики, установив прочную связь между политическим просвещением пролетариата и способом проведения досуга, сделали Пролеткульт главным проводником идеи партии в народные массы. Культура пролетариата создавалась с нуля, взамен целенаправленно уничтожавшейся крестьянской традиционной культуры. В.Е. Новаторов замечает, что «в эпоху строительства коммунистического общества работникам культуры ничего другого не оставалось, как всей своей деятельностью пропагандировать коммунистическую идею, нести в массы коммунистические лозунги, звать к новым победам коммунистического строительства. Работники культуры именовались «идеологическими бойцами».

До 90-х гг. XX в. клубные работники или «культурпросветработники» должны были проводить в досуг населения принцип советской идейности. Это, по мнению В.Е. Новаторова, отталкивало людей от учреждений культуры, пагубно сказывалось на посещаемости мероприятий. Работники культуры стали все чаще работать «на холостых оборотах», получая заработную плату за сам факт своего существования [3].

Идеологическая функция советской интеллигенции с падением советского строя исчерпала себя, изменился спрос в обществе на духовные ценности, в результате чего произошла утрата привычного влияния «властителями дум». Если сегодня нет сомнений, что дворянство как класс русского общества не существует, то надо признать и неминуемость ухода интеллигенции из общественной жизни, хотя свойственные ей качества еще долго будут обнаруживать себя в социальных практиках.

В девяностые годы XX в. при подготовке специалистов в образовательных учреждениях культуры и искусства (выведение последнего из первого при помощи союза «и» также ставит ряд вопросов о корректности концептуальных оснований имеющегося наследия отечественной образовательной системы) произошел отказ от пропаганды и идео-

логии и возврат к дореволюционной идее просвещения, которое деятели и работники культуры должны нести в массы. Однако, по мнению П.Л. Волка, с трансформацией «культпросвета» в учреждения культуры и искусства в подготовке специалистов принципиальных новшеств не появилось: задачи те же самые, содержание подготовки не изменилось, ушла лишь идеологическая нагрузка, имевшая место в советские годы [1].

Если, исходя из рыночных условий, культурно-досуговая деятельность рассматривать как практику удовлетворения социальных потребностей, то на работников культуры должна быть возложена и функция формирования таких потребностей. Соответственно, придется учитывать запросы потенциальной или реальной аудитории. К чему и приходят специалисты - практики учреждений культуры. В условиях рынка культурно-досуговая деятельность должна использовать маркетинговые технологии. Это заставляет решать проблему выявления и удовлетворения потребностей граждан и отдельных социальных групп. Так, культурно-досуговая деятельность превращается в индустрию досуга. При этом происходит ориентация на развлечение, зачастую отождествляемое с интересом к телесному низу. В этом кроется самая серьезная проблема соединения теории и практики, обучения и профессиональной деятельности. При обучении студентам говорят о необходимости воспитывать, нести эстетические ценности в массы. Однако на практике наиболее простым и доступным средством удовлетворения клиента представляется развлечение. Более глубокие потребности, как потребность в идентичности, остаются в стороне.

Тогда как же быть с народным художественным творчеством, ведь именно оно, по задумке авторов Государственного образовательного стандарта, должно лежать в основании технологий организации досуга? Кроме просветительской деятельности, Государственный образовательный стандарт подготовки специалистов по народному художественному творчеству предполагает сохранение и развитие в современном российском обществе национально-культурных традиций, самобытных явлений народного художественного творчества, приобщение широких слоев населения к фольклору; сохранение и трансляцию в современное мировое культурно-информационное пространство ценностей народного художественного творчества, а также многообразного художественного наследия народов России [12].

Однако сегодня под народным художественным творчеством вместо народной культуры во всем богатстве ее проявления, социально обусловленной и исторически развивающейся формы творческой деятельности народа, характеризующейся системой специфических признаков (коллективностью творческого процесса как диалектического единства индивидуального и массового творчества, традиционностью, нефиксированностью форм передачи произведений, вариативностью, полиэле-

ментностью, полифункциональностью) и тесно связанной с трудовой деятельностью и бытом, понимается стремление к индивидуальному, и, по сути своей, авторскому творчеству.

Руководители неисчислимого множества коллективов, заявляющие о наличии в своем репертуаре произведений народного искусства - певцы, музыканты, хореографы, актеры - следуют привычным стереотипам современной концертно-сценической практики. Такое понимание народного художественного творчества наиболее отчетливо выражается в деятельности коллективов, порожденных существующей в России государственной системой подготовки кадров в области культуры и искусства. Эта система вызвала к жизни народные хоры, ансамбли народной песни и пляски, появившиеся в массе своей в середине XX в., и их современные модификации, называемые фольклорными театрами, фольклорно-этнографическими ансамблями, возникшие на рубеже восьмидесятых — девяностых.

По замечанию О.А. Ключниковой, работа с материалом в таких «фольклорных» коллективах осуществляется в рамках существующей школы, которая создавалась в XX в. на основе принципов академического пения, несколько приспособленного под «русскую специфику». Хореография в таких коллективах, зачастую отделенная от певческого исполнения, также наполнена приемами, выработанными известными балетмейстерами в условиях профессиональной сцены. Коллективы, руководителей которых готовят в современных российских вузах и вузах культуры и искусства, объединяет нечто общее — они живут для сцены, что является определяющим моментом, а образцы народного творчества для них — это всего лишь произведения для исполнения на сцене, и только [13]. Следовательно, необходимо говорить не о фольклоре, исходя из общепринятого определения данного явления, цитируемого выше, а об авторском творчестве руководителей таких коллективов. Именно они делают обработки, аранжировки, постановки произведений, которые даже в исходном виде, дошедшем до них, чаще всего представляют продукт творчества известных авторов. Более того, это авторство всегда громко заявляется, соответственно, ни о какой анонимности и коллективности речи быть не может.

Происходит перевод народной традиции из одной системы — его живого бытования — в другую, в сценическую художественно-эстетическую систему, да еще и застывшую в своем «величии», что значительно обедняет и урезает представление о народном исполнительстве и традиции. Даже когда вокал, и пластика в пляске ориентированы на традиционное исполнение, и при этом достигаются весьма «похожие на традицию» результаты, что бывает крайне редко, — они, по мнению Ключниковой, таковой не являются в силу внедрения принципиально чуждых ей творческих законов и культурных оснований [13].

К сожалению, сегодня лишь несколько учебных заведений России, таких, как Санкт-Петербургская

консерватория, Вологодский педагогический университет, Воронежская академия культуры и искусств, Тверское музыкальное училище, Волгоградский государственный институт искусства и культуры сумели отойти от сложившихся в советское время стереотипов подготовки кадров, выдвинув в приоритеты в учебных программах сохранение этнической традиции. Значительно в этом направлении продвинулась Российская академия музыки имени Гнесиных, Московский государственный университет культуры и искусств и некоторые другие вузы. Коллективы, представляющие это направление, в своем большинстве воспитаны профессиональными музыкантами, теоретиками и практиками: В.М. Щуровым, Д.В. Покровским, А.М. Мехнецовым, их учениками — и более двадцати лет назад объединились в Российский фольклорный союз.

В противоположность этим коллективам те, что наследуют традициям советского культпросвета, ориентируются на стандарты, поддерживаемые сегодня Государственным республиканским центром русского фольклора, возглавляемым А.С. Каргиным. В дискуссиях, которые А.С. Каргин называет «играми теоретиков», обсуждается вопрос о том, что такое фольклор и есть ли место народным традициям в современности [14]. Необходимо заметить, что противники Российского фольклорного союза подменяют понятие фольклор (народная, этническая культура, устные произведения) словосочетанием народное творчество, в котором использовано иное значение слова «народ», имеющееся в русском языке, взамен значения «этнос». Такая подмена впервые была инициирована в первые годы советской власти. Но если в советские годы «народное творчество» — это творчество народных масс, то есть рабочих и крестьян, пролетарское искусство, то сегодня упор делается на факт массовости (народ как толпа, люди). Авторское творчество (как творчество человека, людей, а значит народа) и самодеятельность (как творчество большого количества людей, толпы, народа) подменяют сегодня народное (этническое) творчество [14–16].

Необходимо отметить еще одно противоречие, которое содержится в программном выступлении А.С. Каргина. С одной стороны, он говорит о повальном увлечении этникой во всем многообразии ее проявлений (с чем нельзя не согласиться) — народные сказки, песни, пословицы и поговорки, приметы (что, кстати, и является фольклором по определению), с другой — тут же указывает, нет большого количества людей, интересующихся народным творчеством. Он говорит о качественной системной работе Республиканского и областных домов, дворцов, центров народного творчества на протяжении десятков и даже сотни лет и при этом указывает, что массы населения страны совсем не знакомы с образцами фольклора (с чем, к сожалению, так же приходится согласиться). В том-то и проблема, что современная система государственных, муниципальных учреждений культуры и искусства, которая профилируется на на-

родном творчестве, не знакомит с образцами подлинной народной традиции, а лишь предлагает *самодеятельность* различного качества, именуемую народным творчеством и даже фольклором, этнографией. Началось это, конечно не сегодня, об этом предупреждал еще Д.М. Балашов более сорока лет назад: «В послевоенное время фольклористику поразила еще и новая беда, возможно, связанная с предыдущим увлечением теоретиков моментами личного «авторского» начала в фольклорном творчестве, вследствие чего черты общего, коллективного, были как бы позабыты; фольклор начали смешивать с клубной любительской самодеятельностью. Начались усиленные попытки найти такое определение фольклора, под которое можно было бы подвести и старый классический фольклор, и новую самодеятельность» [17].

Так, современная практика «народного» исполнительства все более отталкивает молодежь от подлинных отечественных традиций, вместо которых предлагается социокультурная практика, сформировавшаяся в недрах советской культуры середины XX в. [18]. Действительно, практически все население страны оказывается незнакомым с традициями, культурой предшествующих поколений. Изучение в рамках школьной и вузовской программ образцов высокой культуры нисколько не приближает к пониманию опыта предков, отразившегося в многообразии фольклорных форм и продолжающего влиять на повседневность в мировоззрении, языке, межпоколенных и гендерных отношениях. Современник в своем большинстве не представляет, как выглядел костюм прадедов, как звучали песни, являясь наивысшей формой коммуникации, как проходил досуг и строилась мифология праздничного.

В результате происходит повальное обращение молодежи, а порой и людей старшего возраста к иноэтнической культуре в самых непредсказуемых формах: от увлечения восточной мистикой в начале девяностых, до кельтики и готики начала нулевых. Кельтское, арабское, индийское и др. воспринимается как древнее, подлинное, дающее возможность прикоснуться к вековым традициям, позволяет ощутить причастность чему-то незыблемому, безотнositельному. При этом следует отметить, что подлинной встречи с этнической культурой почти никогда не происходит и в этом случае. Руководители студий восточных, арабских, кельтских танцев, клубов реконструкций также зачастую выпускники образовательных учреждений культуры. И вновь вместо изучения, сохранения и трансляции народного как этнического, национального предлагается творческое, не всегда качественное, но обязательно авторское переосмысление традиции.

Но сегодня «игры теоретиков» в определение «настоящего» и «ненастоящего фольклора» [14] вышли за пространство чисто научного дискурса этномузикологов, фольклористов, этнографов и, может быть, еще искусствоведов и культурологов. Зачастую потребности в принадлежности, в при-

частности, преемственности поколений, неудовлетворенные этноориентированные потребности используются такими организациями, как «Общество сознания Кришны» или «Новый Акрополь» и др., которые спекулируют на чувстве утраты корней, присущем россиянам сегодня. Можно утверждать, что появление таких неоязыческих организаций, как «Родноверы», «Радостя», «Святогор», «Тропа Троянова», «Сибирское училище русской народной культуры» и колоссальный рост их популярности в студенческой и шире, молодежной среде сегодня есть результат теоретических спекуляций вокруг значения термина фольклор, а также стремления оправдать советское наследие в современной культурной политике и социально-культурной деятельности учреждений культуры.

В последние годы ситуация стала просто угрожающей. Еще в 2006 г. проблеме сохранения и возрождения традиционной культуры было посвящено заседание Государственного совета РФ, в 2007 и 2010 гг. в ежегодном послании Президента РФ Федеральному Собранию говорилось о необходимости особого внимания к теме патриотизма и патриотического воспитания, в том числе на основе бережного отношения к фольклору. А после событий на Манежной площади Президент на встрече с лидерами парламентских фракций, которую в прямом эфире передавал телеканал «Россия 24», прямо предложил не забывать про русский фольклор. Совершенно очевидно, что формы агрессивного национализма есть попытка удовлетворить потребности в причастности, в принадлежности к релевантной группе, в причастности роду. И властные структуры сегодня оправданно обращают внимание на фольклор как возможное средство нейтрализации неоправданной агрессии.

Следовательно, для того, чтобы удовлетворять действительные, а не мнимые этноориентированные потребности современного общества, необходимо обратиться к подлинным образцам народного художественного творчества. Сегодня человек испытывает кризис самоидентификации, находится в состоянии фрустрации в связи с утратой корней, чувства малой родины в условиях современных городских мегаполисов. Жители малых городов и сельских поселений также утратили чувство

«своего», которое является системообразующим элементом при формировании личностной и социальной идентификации. Что бы ни утверждалось современными СМИ, что бы ни провозглашала идеология общества потребления, глубинной основой разнообразных направлений, видов и форм культуры современного общества является *народная традиционная культура*. На основе традиционности не только закрепляется весь опыт практической деятельности, но и регулируются нормы социальных отношений (семейные, общинные, трудовые, половозрастные), всего жизненного уклада, чего так не хватает современнику.

Разработка и развитие образовательных программ, создание структур (отделений, кафедр, факультетов) с целью подготовки профессиональных кадров в области организации досуга на основе данных фольклористики, этномузыкалогии, краеведения, этнографии, истории является насущным и перспективным направлением воспитания патриотизма и противодействия национализму вместе с корректировкой учебных программ ссузов и вузов культуры и искусства. К подготовке специалистов по народному художественному творчеству и народной художественной культуре пришло время подключиться классическим университетам с сильными этнографическими школами. Для того, чтобы выпускники смогли реализовывать компетенции, предусмотренные Госстандартом, необходимо в учебный процесс включать мероприятия, объединяющие весь комплекс работ по экспедиционной записи, систематизации, хранению и использованию фольклорно-этнографических материалов, созданию районных и региональных архивов.

Если вспомнить слова А.М. Мехнецова, не утратившие своего значения за прошедшие годы, то на повестке дня все еще стоит «весьма актуальная задача по созданию приоритетов, способствующих равноправному включению фактов традиционной народной культуры в современную досуговую деятельность, развернутой системы просветительских программ, квалифицированной пропаганды, направленной на выявление их высокой художественной, этической, историко-культурной ценности» [19].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волк П.Л. Социально-культурная деятельность и народное художественное творчество: наука, профессии, образовательная программа // Мир науки, культуры, образования. — 2007. — № 2. — С. 52–53.
2. Свободное время // Википедия — свободная энциклопедия. 2010. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Досуг> (дата обращения: 25.05.2010).
3. Новаторов В.Е. Современные технологии культурно-досуговой деятельности: состояние, проблемы, перспективы развития // Вестник Омского университета. — 1999. — Вып. 3. — С. 109–114.
4. Жигунова М.А. Развитие празднично-обрядовой культуры русских в XX веке // В сб.: Русский народный праздник / Отв. ред. М.А. Жигунова, Н.А. Томилов. — Омск: Издательский дом «Наука», 2006. — С. 9–17.
5. Громыко М.М. Мир русской деревни. — М.: Молодая гвардия, 1991. — 269 с.
6. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV — XVII вв. — М.: Педагогика, 1985. — 367 с.
7. Зализняк А. Берестяные грамоты // Культура. Телеканал. 2010. URL: <http://www.tvkultura.ru/issue.html?id=97719> (дата обращения: 11.12.2010).
8. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 368 с.
9. Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. / Отв. ред. Д.С. Лихачев. — Л.: Наука, 1987. — 293 с.

10. Громыко М.М. Буганов А.В. О воззрениях русского народа. — М.: Паломник, 2007. — 528 с.
11. Боборыкин, Петр Дмитриевич // Википедия — свободная энциклопедия. 2010. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Боборыкин,_Пётр_Дмитриевич (дата обращения: 25.05.2010).
12. Приказ Министерства образования и науки РФ от 22 Декабря 2009 г. N 791 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 071500 Народная художественная культура (квалификация (степень) «бакалавр»)» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 08.02.2010 № 16319).
13. Ключникова О.А. О современных тенденциях фольклорного движения в России // Вестник РФС. — 2003. — № 1 (6). — С. 22–28.
14. Каргин А.С. Игры теоретиков. Манкурты поневоле, или о возрождении традиций без тенденциозности. // Государственный Республиканский Центр русского фольклора 2010. URL: <http://www.centrfolk.ru/info/press/582/> (дата обращения: 25.01.2011).
15. Как оживить мёртвый фольклор // Творческие люди и их жизнь. 2011. URL: <http://starland.ru/myortvyj-folklor/> (дата обращения: 02.02.2011).
16. Нужна ли фольклоризация Государственному Омскому Русскому народному хору? // В контакте. 2010. URL: http://vkontakte.ru/topic-12406671_21722171#offset=340 (дата обращения: 20.08.2010).
17. Балашов Д.М. Как собирать фольклор (руководство по сбору произведений устного народного творчества). — М.: Знание, 1971. — 40 с.
18. Зайцева Н., Идлис Ю., Мильчин К. Тамбовский фолк // Русский репортер. — 2010. — № 11 (139). — С. 24–33.
19. Мехнецов А.М. О задачах комплексного исследования фольклора // Первый Всероссийский конгресс фольклористов / Отв. ред. А.С. Каргин. — М.: Госуд. республиканский центр русского фольклора, 2005. — Т. 1. — С. 360–371.

Поступила 01.06.2010 г.

УДК 37.012.1

ПОНИМАНИЕ «СУБЪЕКТИВНО-ЛИЧНОСТНОГО» СМЫСЛА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ

К.С. Лелюшкина, Н.П. Чупахин*

Томский политехнический университет

*Томский государственный педагогический университет

E-mail: l_kira73@mail.ru

С позиций междисциплинарного подхода, а именно философских и педагогических изысканий, сделана попытка разрешения проблемы обучения иноязычному общению в связи с «субъективно-личностным» смыслом речевого сообщения.

Ключевые слова:

Субъективно-личностный смысл, интенции автора, продуктивность в иноязычном общении.

Key words:

Subject-personal sense, intentions of the author, productivity in the foreign communication.

Концепция обучения иноязычному личностно-ориентированному общению на основе сообщения имеет определенную специфику, которая заключается в том, что понимание/непонимание речи имеет ряд уровней и градаций. Это составляет необходимость более детального рассмотрения первой стадии обучения, которая представлена работой над текстом.

В настоящее время проблемами текста занимаются не только лингвисты, но и философы, психологи, искусствоведы, социологи. Определение понятия текста очень широко: он есть проявление, отражение, явление культуры; и быть текстом — значит принадлежать к миру социальной коммуникации, в которой осуществляется трансляция опыта «человеческой чувственной деятельности». Опираясь с текстами, субъект присваивает этот опыт, он внедряет его в собственное сознание.

Ограничение понятия текста, которое можно было бы считать исчерпывающим, еще не выработано, ибо это — «междисциплинарное явление, и

здесь важно не то, какой терминологией пользуется ученый, на каких теоретических корреляциях он находится, а важен сам результат, к которому он приходит» [1. С. 56].

Актуальное значение при обучении личностно-ориентированному общению имеет специфика психолингвистического подхода, который заключается в рассмотрении текста как коммуникативной единицы, результата речевой деятельности субъекта. Текст понимается как одна из форм фиксации речи и является превращенной формой речевого общения, несущей определенную информацию посредством контекстуальных значений языковых знаков. Текст представляет собой «вид личностной активности, включающей вербальные и невербальные интеллектуально-мыслительные операции, совершаемые для организации смыслов в ходе общения» [2. С. 51]. Текст обладает богатым «коммуникативно-познавательным потенциалом» [3. С. 13], который складывается из его общественной значимости и познавательной ценности, ком-